

ГЕННАДИЙ КАРПУНИН

СОЛОВУШКА

РАССКАЗ

1

С весенней устоявшейся теплынью Андрей Харюгин вытаскивал из-под кровати старый обшарпанный этюдник, вытирал его от пыли и аккуратно складывал туда всё необходимое для аппликационных работ. Заспанное, точно одеревеневшее после зимы лицо Андрея прояснилось, оттаивало, в глазах появлялась весёлость. В такие дни он бывал возбуждённым, суетился больше обычного и непременно что-нибудь насвистывал. Эта дурная привычка осталась у него ещё с юношеских лет. Да он, наверное, иначе и не мог выразить своего хорошего настроения; потрепала его порядком жизнь, поиздёргала, молчноуном стал с годами.

Павла Шилова, проживающая с ним в одном доме и, казалось бы, давно притерпевшаяся к его слабостям, за последнее время, что называется, стала сама не своя. Словно подменили её: смотрела на Андрея с издёвкой, вроде как специально хотела досадить. Случалось, что нелепыми своими придирками доводила его до бешенства.

— Свистун. Ишь, растрезвонился, — цеплялась она. — В ушах звенит.

Андрей что-то бубнил себе под нос, дабы не ругаться, стучал кулаком по столу: мол, дура! Ещё чуть-чуть, ох, и выматерился бы... Но нет, сегодня он намеревался молчать, не обращать на Павлу внимания.

КАРПУНИН Геннадий Михайлович родился в 1958 году в посёлке Щербинка Московской области. Окончил Московский автомобильно-дорожный институт. Автор четырёх сборников стихов, нескольких книг повестей и рассказов, романа “Часовых дел мастер”. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Он взял костыли и, волоча по полу атрофированную правую ногу, заковылял во двор.

Запах молодых лопнувших почек несколько успокоил его. Он присел на ступеньку, сложил возле себя костыли.

Надо же, злился он, свистун... Сама-то... квартирантка. Андрей частенько гадал, кто же всё-таки для него Павла Шилова. Не жена, не родня. Сожительница — так это с какого бока смотреть. Сколько лет под одной крышей, а ни разу не притронулся он к ней по-настоящему, с душой. Так, блажь когда найдёт. У них и детей-то нет. И не расписаны они вовсе. Ютились когда-то эти Шиловы через два дома от Харютиных в заброшенной хибарке, да от всех Шиловых, наверное, только Павла и осталась. Помнил её Андрей ещё подростком: конопатая, худощая, кожа на руках синюшная. То ли застенчивая, то ли запуганная — не поймёшь. Бегала к ним в дом по разным пустякам, вечно под ногами путалась.

Впрочем, что теперь прошлое ворошить: давняя история, забытая.

Андрей с наслаждением вдыхал весенний воздух, щурил от солнца глаза. Отзимовал — и ладно, теперь легче будет. Ох, и не любил же он зиму!

Можно было и покурить, но стерпел: слово себе дал — не притрагиваться к табаку. Одышка мучила последние годы: за день отмахнешь вёрст двадцать на костылях, да ещё с этюдником за спиной — до курева ли...

Есть у Андрея старенький “Москвич” со специальным ручным управлением, но с годами охладел к механике, отвык, пешим приноровился бродяжить. А машина так в сарае и стоит, ржавеет. Её, наверное, и не заведёшь теперь.

Он вернулся в дом. Павла явно была чем-то огорчена, встревожена больше обычного. Всё за что-то хваталась, да как-то невпопад.

Андрей надел резиновые сапоги, приспустил высокие голенища — чтоб не тёрло под коленом. Правую ступню не очень сильно затянул ремнём. Другим длинным его концом подтянул ступню к ягодице и, перебросив ремень через плечо, закрепил его в поясе, оставил ногу в согнутом положении. Так-то лучше, не будет мотаться туда-сюда. Затем надел прорезиненный на байковой подкладке плащ, воротник которого шнурком завязывался у шеи, и замшевый берет, когда-то стильный, но теперь уже потёртый и лоснящийся. Закинул за спину этюдник. Вот и всё снаряжение. Так Андрей ходил с весны до осенних холодов.

Порядком отойдя от дома, оглянулся, затылком чувствуя на себе взгляд Павлы. Так и есть: стояла на взлобке обочины, комкала руками фартук. Сутулая, располневшая женщина. Что-то очень знакомое напомнил ему её взгляд, и то, как комкала в руках фартук...

“...Дура!” — опять разозлился он: на смерть, что ли, провожает?.. Поправил удобней этюдник, костыли и, теперь не оглядываясь, уверенно зашагал вперёд.

2

Он ещё издали заметил старую заброшенную будку с ржавыми покосившимися буквами “ГАИ”. До перекрёстка оставалось идти не более четверти часа.

По другую сторону шоссе, на асфальтированном пяточке, стояло кафе со сказочным названием “Конёк-Горбунок”. На этом-то пяточке, возле кафе, и расположился Андрей Харютин.

На стоянке находилось несколько автофур. В стороне от них — две представительского класса иномарки.

Андрей взял оба костыля в руку, осторожно, удерживая равновесие, скинул этюдник с плеча и принялся устанавливать его на тренажник. Затем распечатал пачку ровно нарезанной чёрной бумаги. Вынул из кармашка этюдника ножницы и тюбик канцелярского клея. С внутренней стороны крышки уже были приколоты несколько образцов аппликаций, в коих угадывались знаменитые артисты и политики.

Обычно Андрея обступали местные зеваки и шоферня, пропахшая соляркой и машинным маслом. Многих он помнил по прошлым рейсам. Помнили и его. В основном, дальнобойщики — народ тёртый, колесивший по трассе не первый год. Встретив знакомого, Андрей улыбался, кивал в знак приветствия. Держа наготове чёрный квадратный лист, как парикмахер, пощёлкивал ножницами: подходи, не стесняйся...

Желающие были, и ждать долго не приходилось. Андрей пристально вглядывался в профиль “натуры” и быстро из бумаги начинал вырезать силуэт. Не проходило минуты, как “портрет” был готов. Андрей наклеивал его на белый лист с собственноручной подписью. За работу брал недорого, в зависимости “от инфляции”. Были и такие ценители, которые не впервые заказывали апликацию, объясняя это тем, что портреты получаются вроде бы разные, а сходство на том же уровне, удостаивая художника высокой похвалы и поощряя рублём.

В этот раз он простоял до обеда почти что без дела. Так, покрутится кое-кто да отойдёт. Не было настоящего клиента. Всего-то несколько человек и обслужил Андрей. Но он не отчаивался, знал — своё наверстаёт. Не сегодня — так завтра, а наверстаёт.

Отвыкнув долго стоять, Андрей чувствовал, как быстро отекает нога и скапливается усталость. Пальцы на руках поостыли, сделались непослушными, а пальцы в его работе — что поводырь для слепого. Да и самого просквозило — всё-таки не лето.

3

Кафе “Конёк-Горбунок” было оформлено под русский старинный терем с деревянными узорчатыми ставнями и резными наличниками. На островерхую крышу бельведера взлетел и сам сказочный герой. Внутри кафе напоминало горницу. По стенам были развешаны конские хомуты. В дальнем правом углу стояла почерневшая крестьянская прялка, перевязанная пучком пеньки. Расписанная печь с большим чугунным горшком и ухватом. Деревянные столы с лавками.

Андрей знал всю эту бутафорию наизусть: многое сам здесь мастерил. Он прошёл к дальнему свободному столу, поставил костыли с этюдником в угол и сел на лавку, дожидаясь услуги. У соседних столов в белом накрахмаленном кокошнике на пышных волосах бабочкой порхала Рита Тимашова — давняя знакомая Андрея. Он знал Риту ещё девушкой, когда хаживал к Наталье Лучниковой — её подруге. Работала Рита в кафе с самого его открытия, а до этого — продавщицей в сельмаге.

Андрей ещё с улицы заметил Риту: мелькнула в окне да исчезла. Вот и сейчас она поглядывала в его сторону, явно намереваясь подойти.

Он развязал шнурок плаща, стягивающий кадыкастую шею, скинул на лавку берет. Взял в руки пластмассовую вазочку с салфетками и стал разглядывать. Ждать пришлось недолго.

— С почином тебя, — услышал он. Рита поставила перед ним горячие щи в глиняном горшке и такой же горшок кваса (в кафе всегда был квас).

— Со дня на день тебя жду. Когда же, думаю, наш Соловушка объявится, — то ли шутя, то ли серьёзно сказала она. Миловидная, с румянами на щеках, она ещё вызывала интерес. Одно лишь отталкивало в её натуре — чрезмерная болтливость. Если Рита в гости к кому зашла, так и знай, всех оповестит: у того-де занавески грязные, а у этого клопами пахнет. И сейчас — неспроста вертелась Рита возле Андрея, не иначе что-то сообщить хотела.

— На минутку, — присела она с краешка, — а то забегалась совсем.

Уставилась на него, смотрела, как он ест. Андрей привык к подобным взглядам, а потому не смущался, не торопясь хлебал горячие щи, тщательно прожёвывал. Выжидал, когда Рита первая начнёт разговор.

— Оплешивел-то как за зиму, — грустно вздохнула она. — Девки тебя, поди, за кудри любили.

Что правда — то правда, не королевичем выглядел Андрей: мясистый нос его вытянулся, лицо одрябло, посерело, покрылось сетью морщин. Весь он какой-то стал... точно высохший корень.

— Пить бросил или по-прежнему? У тебя ведь как — по сезонам. За-мучил, небось, Павлу-то.

Андрей поперхнулся, сердито взглянул на Риту.

— Второе-то забыла, — тут же спохватилась она. Он согласно кивнул: вот и ступай за вторым. Но через несколько минут она снова подседа.

— Мясо-то не жёстко?

В самый раз, дал понять он, запивая его прохладным кисловатым квасом.

— У нас неплохо готовят. Не то что в других кафешках.

Разожгла всё ж таки в нём любопытство, а сама тянет кота за хвост, болтает о разном...

— Про Наталью-то слышал что аль нет? — как бы между прочим спросила она.

Не сразу дошло до Андрея о какой Наталье речь, а когда уразумел, то не ощутил под собой опоры, как повело его куда... Давно не вспоминала Рита о подруге.

Андрей отложил хлеб, вилку, упёрся кулаками в край столешницы.

— Да жива Наталья, жива, — поспешила успокоить его, понимая, что переусердствовала. — В городе она теперь, у тётки живёт. Разве Павла ничего... — и осеклась.

Он даже привстал: не будь Рита бабой... Схватил её рукой за плечо. Для остротки пригрозил кулаком: мол, выкладывай сразу всё, что знаешь.

— Что сказывать-то, — заблестели у Риты глазки, — я всё уж сказала. В Златоусте они, значит, жили, а когда Николай умер — муж её, Наташка к тётке в наш райцентр перебралась. Не с отцом же ей жить. А тётка на-божная, всё утешит. И что ей одной на стороне... Дети-то взрослые давно, у самих семьи с детьми, разъехались, кто где... Да пусти! — вырвалась она.

Он не стал её держать. Сидел хмурый. Рита унесла посуду, вернулась вытереть стол. Он вытащил из этюдника лист белой бумаги: хотел записать Натальин адрес. Но пока сидел — передумал: не надо пороть горячку, здесь ещё обмозговать всё надо. С адресом же всегда успеет.

Рита стояла в проходе, плечом привалившись к косяку, придерживая ногой пружинистую дверь.

— Ты Павле-то меня не выдавай, — заискивающе попросила она, — нехорошо как-то, вроде как сболтнула.

Андрей переступил через порог, в сердцах чуть не отдал Рите ногу.

4

С полей несло запахом свежеспаханной земли, перегноем. Вдали маленькими букашками ползали тракторы.

Андрей шёл без роздыха, словно хотел себя загнать. Грузовая попутка, сигналив, притормозила возле него, но он даже не отреагировал. Известие о Наталье прочно застряло в его мозгу, не давало покоя: начнёт вспоминать о ней — так душу наизнанку выворачивает, а не думать — и вовсе сил нет.

Запарившись и вконец себя измучив, Андрей остановился. Сошёл с грунто-товки по отлогому склону, направился к поваленной лесине. На ней и уст-роился передохнуть. Ослабил на правом сапоге ремень, разулся. Постарался вытянуть онемевшую, полусогнутую в колене ногу. Массируя её, пальцами прощупывал бедренную кость. Сохла нога, с каждым годом всё хуже стано-вилась. Оглоблина, а не нога. Но не это беспокоило Андрея: бог с ней — с сухотиной. Наталья вернулась — вот что. Если, конечно, Рита чего-нибудь не напутала. Хотя... как тут напутать. Всё вроде бы правильно: муж помер, дети взрослые, кто где... Вот и вернулась Наталья к тётке. Всё правильно.

Многое теперь объяснялось: и то, что Павла последнее время на него взъелась: слышала ненароком, что Наталья воротилась, и боялась, как бы он не узнал. Вот же глупая, неужто думает, что он к Наталье переметнётся. Ку-да же он такой — колченогий да плешивый.

Вспомнил Андрей, каким взглядом сегодня провожала его Павла, какими глазами смотрела ему вслед. Сколько в них всего было — в этих глазах.

“Да, всё правильно, — думал он, — всё на своих местах”. Но в то же время он ясно ощутил, что в нём произошла заметная перемена. Неужели все эти годы он, Андрей Харютин, подспудно хранил в своём сердце думы о Наталье? Да, значит, хранил: вон ведь как Риту давеча напугал. Что там Риту — сам чуть с лавки не свалился!

Но не смешно ли, что он и теперь способен на какие-то чувства? А если что-то и осталось в душе, так что из того... Наталья, верно, и сама к нему изменилась. Видела б она его со всей амуницией. И прожитое с Павлой не перечеркнёшь. Хоть и куражится он, хорохорится, а кабы не она — пропал бы совсем.

5

Андрей глядел в сторону бетонки. Когда-то здесь не то что дороги — и полей-то не было. Лишь болото да кустарник. И хоть бедно жили, но ладно и весело. Умели жить.

...Хозяйство у Лучника было крепкое, налаженное, пусть и небольшое, но под стать хозяину — коренастому, двурульному. Женился он перед самой войной. Взял в жёны такую же, как сам, — работающую да хозяйственную. Воевал. Вернувшись, зажил особняком, замкнуто. Но с женой ему не повезло: что уж с ней стряслось — неизвестно, а померла она, оставив на мужа маленькую девочку. После этого Лучник ещё больше обособился от людей, жил бобылём и с остервенением весь с головой ушёл в работу: надо было и в колхозе успеть, и на своём дворе, и дочь воспитывать.

Дочка этого Лучника и приглянулась тогда Андрею. А сколько до Натальи было у него девчат, сколько заставил он их сердцем томиться, но ни одна не запала так в душу, как эта. И чем она его взяла — трудно теперь сказать. Точно околдовала. Остудил совсем. Издевалась над ним Наталья, как хотела: не иначе за всех девчат, что ославил Андрей, разом отомстить взялась: “Три ноченьки пропоёшь соловушкой под окошком — пойду за тебя замуж”. Ни дать ни взять, как в той повести, где Оксана посылает Вакулу за черевичками...

Что скрывать, озорной был Андрей по молодости, подчас такие штуки выкидывал... Бывало, схоронится ночью в кустах под чьим-нибудь окном и соловьём запоёт. И так искусно запоёт — от настоящего не отличишь. Да только ли соловьём, по-разному мог Андрей: с налёта схватывал любую мелодию. Так вот, залётится соловьём, а девушка по неведению и распахнёт окно, размечтается, не зная, что не соловей это вовсе. Тут Андрей и выскочит из кустов. Да поцелует, если повезёт. А парни и хохочут.

Но так было до Натальи, неужели и перед ней шутком выставляться? Известно. И всё-таки раз ночью влез к ней во двор, да в то же утро пошла молва, как Андрей Харютин от лучниковых собак драпал. Другой на его месте плюнул бы, отступился, глядишь — и отлегло бы со временем, но такая досада и ярость охватили тогда Андрея... хоть головой в омут.

6

Спокойно шумел осинник. В поле, почти у горизонта, всё так же ползали тракторы.

Андрей осмотрелся. Вольготно было одному вот так, с кромки леса охватывать взором ширь вёсенних пашен. Никуда не надо торопиться, никто тебе не мешает. Хозяином себя чувствуешь.

Мысли снова унеслись к Наталье. Кто знает, чем бы всё кончилось, если б не случай.

Ферма, куда под вечер загоняли скот, находилась на отшибе села, возле дороги. Андрей только-только подпругу с седлом снял, чтоб своего мерина загнать, как издали разглядел Наталью. Домой откуда-то возвращалась.

С букетом цветов, нарядная. И что на него нашло — сам не знает. Не иначе ревность. Бешеным каким-то сделался. Вскочил на коня, ударил в бочину, так на одном потнике и понёсся за ней. Загадал: посторонится Наталья — его будет.

Но не думал он, что не услышит она конского топота; похоже, как в себя ушла, задумалась. Лишь когда в последний миг осадил он коня — оглянулась Наталья. Оглянулась, да так ошалелая и остолбенела. Даже рукой не заслонилась, только цветы выронила. И если б Андрей не завалил вздыбленную лошадь на круп — изувечил бы девушку. Никогда он ещё не слышал такого осатанелого ржанья. Он и сам тогда не на шутку струсил.

А Наталья медленно так опускаться начала; знать, нервы не выдержали. Так в обморок и упала. Он потом и сам плохо помнил, как всё произошло, как в полубомороке обняла она его, тихо так сказала: “Соловушка ты мой”. Думал тогда Андрей, что в бреду это она. Да нет, верно всё: Наталья и после так называла его. А с чего бы, кажется? Чуть жизни её не лишил, а тут нате вам... Знать бы — где найдёшь, где потеряешь...

За Андреем же так и повелось — Соловушка.

Но не пришлось им с Натальей судьбой распорядиться. Чем он прогневил её отца, чем не угодил? Подстерёг их Лучник на сеновале, дочку домой прогнал, а ему на-гора и выдал всё: сам, дескать, паскудник и девку опаскудил; не для такого свистуна он дочь растил. Точно в лицо плюнул.

Как Андрей мог объяснить, что нет жизни ему без Натальи! Ну, и сцепились: Андрей с голыми руками на Лучника прёт, а тот — с косовиной. В раже-то и подкосил он Андрея: так с размаха и полоснул ему жилу под правым коленом, чуть ногу не снёк. Иди, мол, теперь, заявляй. На всю жизнь по себе память оставил.

Может, и вовсе запорол бы его Лучник, если б не Павла. Откуда она взялась тогда — Андрей по сей день понять не мог (наверно, подглядывала за ними). Слышал он после, что и ей в тот раз досталось, но вроде как обошлось. Сама же Павла молчала, не признавалась.

Лучника судили. Но пока шло дело, пока выясняли — что да как, успел он Наталью куда-то к родственникам отправить.

Андрей сначала надеялся, что вылечит ногу, но когда встал, без костылей ходить не мог. Наталья так и не вернулась. А через год и он из села подался. Ранним утром, как вор, крался задками, увязая костылями в рыхлой земле. И чудилось ему, что всё время его кто-то преследует, тревожно глядит в спину. А когда вышел на просеку и невзначай оглянулся, мелькнул за огородами треугольник косынки. Не мог Андрей тогда обознаться: Павла это была.

Много чего произошло в его отсутствие. Когда же вернулся, не узнал село — посёлок вырос. Новых домов понастроили, люди новые появились. У себя, кроме матери и Павлы, никого не застал: кто съехал, а кто умер. Он и не удивился, встретив тогда Павлу в своём доме. Как будто так и должно было быть. А через некоторое время и мать схоронил.

Справлялся он и о Наталье, но ничего толком не узнал: не появлялась она. Лучник, отсидев неполный срок, жил теперь один. Как рассказала Павла, у него сахарный диабет. Случайно обнаружили. Натёр он палец на ноге, и образовался там нарыв. Сначала палец отняли, затем ступню, а потом и ногу пришлось отрезать. Так что они теперь с Андреем вроде как квиты. Вот и всё, что рассказала Павла.

Самого Андрея Харютина признали в посёлке не сразу. Ничего не осталось от прежнего Соловушки. В замшевом берете, в странном балахоне, с ящичком за спиной. То ли бродяга, то ли мелкий шабашник. Присматривались к Андрею, подшучивали: пусть занимается своим “фотографизмом”.

Андрей тогда бурную деятельность-то развернул, когда кооперативы разрешили. Зарабатывал неплохо, хотя и недорого за работу брал. Это сейчас стал прижизнимист. А что делать? — дорожает жизнь (будь неладны эти демократы!).

Павла постирывала бельё. Посмотрела на Андрея пытливно, осторожно заглядывая в глаза. Он разделся, вытер костью или половую тряпку. Хотел пройти в комнату, но раздумал, полез в чулан: не смотри на него Павла собачьими глазами, возможно, и не рассердился бы Андрей.

— Что потерял там? — вырвалось у неё.

Перекладывая ворох пыльного картона, рулоны бумаг, деревянные рамки и холсты, роясь во всём этом хламе художественного инвентаря, он искал портрет Натальи, сработанный по памяти очень давно. Обнаружив то, что искал, он вылез из чулана и поковылял в комнату.

Вытирая руки о передник, Павла вошла почти следом. Андрей сидел за столом, рассматривал портрет. Покосился на Павлу: и куда подевалась её спесь? Он небрежно швырнул портрет на стол.

Павла как-то бочком присела на стул: руки повисли плетью, словно хотели коснуться пола.

— Я-то в чём виновата? — произнесла устало.

Понимал Андрей — тяжело ей. Может, во сто крат тяжелее, чем ему. Но не мог он на неё иначе смотреть.

Он стиснул зубы: лучше б запорол его тогда Лучник. Зачем только она вступилась за него?

Но и у Павлы наболело годами: в себе всё таила, да кончилось терпение.

— В чём меня-то винишь? — повторила она. — Что обстирываю тебя и за домом гляжу? Или я подлая какая? Ни стыда во мне, ни гордости?.. Нет, любый мой, есть стыд, не сомневайся. Есть. А гордость... Конечно, где уж мне гордости набраться: знай, баба, своё кривое веретено. — Павла горько усмехнулась: — А за меня, если хочешь знать, дружок твой — Семён Казачок — сватался. Это когда в отлучке ты был. Долго меня добивался. Да не пошла я за него. Я бы ни за кого не пошла, потому... — голос её дрогнул, — потому как причина на то была... Своих оставила, в твой дом пришла, твоей матери пособить. Верила — вернёшься, заживём. Да вот не подрассчитала, что о Наталье так долго убиваться будешь. Неужто за столько лет, кроме упрёков, я ничего не заслужила! А ты вот сюда глянь... — Дрожжащими пальцами она поспешно расстегнула блузку, обнажив левую грудь. Андрей отвернулся.

— Нет, ты лица-то не вороти. Сам же картонку эту на стол бросил. Что ж, теперь и ты полюбуйся — чем хуже?..

На дряблой груди Павлы поперёк сосца шёл еле заметный шрам: не взглядеться, так и не увидишь. Она застегнула кофту.

— Не знал ты. И не мог знать. Не до того тебе было. Чужие-то побои не болят. Слились тогда наши с тобой кровушки. Думала — на всю жизнь слились. Вот оно, думала, знаменье Христово. Никому этот шрамик не показывала, для тебя берегла. — Она отрешённо посмотрела в пространство, мимо Андрея. Было слышно, как бегут на стене ходики. — А потом поняла — крест это мой. И носить мне его — не сносить. Подле самого сердечка его храню, рядом с медненьким. Одно время крестик-то — в конвертике прятала, думала, у кого лоб чешется, тот пусть и... — она загнулась. — Грех-то какой, Господи... — перекрестилась Павла. — Будь проклята такая любовь! — надтреснутым голосом произнесла она. — Что я видела за ней — за любовью? Отцом проклята, мать в могилу свела. Люди по сей день глаза колот.

Андрей свёл скулы.

— Горько мне, ох, как горько! — сетовала Павла. — Но ты не переживай, не ополоумела я ещё. Чего доброго, думаешь, на Бога замахнулась, о любви к тебе заговорила. Какая уж теперь любовь! Жалко мне тебя, а так... — может, и бросила б давно. Правду люди говорят: душа не стерпит, так сердце возьмёт. Ты уж не кочевряжься, не смехи народ. Столько лет вместе... — и опять горько усмехнулась: — А то помру, и схоронить некому.

Весь остаток дня он просидел за портретом Натальи, так ничего и не надумав.

Осень в этом году выдалась сухая, тёплая. По будням Андрей приходил к кафе “Конёк-Горбунок” и раскладывал этюдник. О Наталье вспоминал часто, но спрашивать у Риты адреса не стал. Судьбу не переиграешь: пусть всё остаётся на своих местах.

В воскресные дни он старался выбраться в город, втайне всё-таки надеясь встретить Наталью. В городе останавливался у вокзалов, у рынка, там, где полудней.

В один такой день он расположился на площади, неподалёку от церкви. Церковь была старая, действующая, считалась памятником архитектуры. Вдоль высокой, из железа кованой решётки, опоясывающей её стены, тянулся ряд торгующих. Помимо цветов и венчиков, торговали разными безделушками и вязанием. На другом конце площади, возле овощной лавки, разгружали машину с картошкой. Андрей видел, как один мешок опрокинули, и картошка рассыпалась по тротуару, на проезжую часть улицы. Её не стали собирать, а продолжали скидывать остальные мешки.

Сверкая тонированными стёклами, к воротам церкви вырулил автобус. “Не наши”, — смекнул Андрей. И не ошибся: это были иностранные туристы. Человек двадцать — одна молодёжь — вышли из автобуса, и вся группа направилась к зданию церкви. Задержались они там ненадолго. Выходили — переговаривались, щёлкали фотоаппаратами. Им предлагали цветы, но они вежливо отказывались.

— Ты, соседка, им свои цветы не предлагай, — слышался голос торговки, — что им цветы? — завянут и выбросить... Ты им наш сувенир предложи, икону, это они любят.

Несколько туристов обступили Андрея, наблюдая за его работой. Один из них — высокий, в очках, с короткой стрижкой — похлопал его по плечу, снял очки, постучал себе в грудь.

Андрей оглядел парня, ткнул в трафарет, где указывалась цена.

— Гут-гут, — отозвался тот.

Сделанная аппликация сразу же пошла по рукам. Скоро у этюдника собралась вся группа. Внешнее сходство портрета и природы Андрей усиливал такими тонкими гротесковыми штрихами, что привёл иностранцев в восторг. В паузах он разговаривал с ними на каком-то странном наречии, коверкая слова и оживлённо жестикулируя. Он как будто нашёл с иностранцами общий язык, понимал их. И не предполагал, что именно сейчас, в эту минуту встретит Наталью. Верил, когда-нибудь это произойдёт, но не знал — как. Она смотрела на него спокойными, задумчивыми глазами, словно видела в нём что-то такое... особенное, её одно ведомое.

Он стал складывать этюдник. Не понимая, что же произошло, его упрасивали остаться. Он мотал головой, отказывался. Кто-то из туристов сунул ему деньги.

Она поджидала его в небольшом скверике, недалеко от площади. Сидела на скамейке, особым манером скрестив ноги в резиновых полусапожках. Вроде бы та... да не та: в чёрном платке и демисезонном, некогда модном пальто. На коленях — сумка с продуктами.

Он как-то замешкался, растерялся, не зная, как поступить.

— Ну, здравствуй, что ли, — выручила Наталья.

Его немного обескуражило, задело, что она вот так, с ходу, как-то уж очень обыденно произнесла это “здравствуй”. Но, представив себя со стороны во всей своей немудрёной экипировке, рассудил: не целоваться же им, в самом деле.

— Что, не нравлюсь? — как бы читая его мысли, спросила она. Из-под её платка чуть выбилась прядь седых волос. Губы сделались тоньше, с наметившимися надгубными складками. Кожа на щеках и подбородке провисла мешочками.

— В церковь вот хожу, — призналась она.

Им теперь открывалась вся юго-западная сторона церкви. В распалубках и лонетах ниш проглядывали строгие лики святых. Часть портала украшал живописный декор: Богоматерь с младенцем.

— Кто бы мог подумать, — говорила Наталья, — я и в Бога-то раньше никогда не верила. А тут, как Коленька помер, так сама не знаю... всё перевернулось во мне. Может, к старости все так-то...

Она, и впрямь, сидела как смиренная монашка.

— Коленьке моему скоро уж год будет.

Резанула слух последняя фраза: “Ведь это она про мужа”, — догадался Андрей.

— Батюшка здесь служит — молоденький, бородака реденькая, а сан держит — чуть ли не архиерей...

“...Эх, не про то говоришь, Наталья, не про то...” — Андрей не понимал, для чего она это рассказывает. Не в силах слышать подобное, отвернулся. С тяжёлым чувством поглядывал на купола церкви. Главный — из оцинкованного кровельного железа — был частично разобран и обложен лесами. В парусах его свода порхали голуби, залетали воробьи. Остальные луковки потускнели: их глянец почти не отражал солнца.

Каким-то необычным благолеием веяло от всего этого: и от порхающих голубей, и от древних, местами облупившихся фресок. От пожухлой листвы. От скамеек с их закрученными прогнутыми спинками. От старушек, чинно целующихся у ворот церкви. Благолеием и снотворным каким-то, потусторонним покоем.

Вот она — провинция, не жизнь, а резина! Андрей сам не знал, что его так раздражало. Может, вся эта умиротворённость, окружавшая его. Он вдруг явственно представил себя покойником, которого положили на белую скатерть и отпевают... Так и заживо помрёшь — не заметишь.

Он повернулся к Наталье, взял её за руку, сжал кисть так, что у самого побелели пальцы: “Довольно, хватит!” — словно просил он.

Подавшись туловищем вперёд, она слегка запрокинула голову, опустила веки: сейчас, да, именно сейчас скажет то, чего так ждал Андрей. Но, выдержав паузу, подавив в себе нахлынувшее чувство, она попыталась улыбнуться.

— Ты, я слышала, с Пашей живёшь, — с трудом выговорила она. — Рита мне сказывала. Если б не она, я бы тебя и не узнала.

Он отпустил её руку, отмахнулся: пустое, мол, всё. Она и не заметила, что на цевке её руки остались следы от его пальцев.

— Покойно здесь как. Век бы так сидела. Тепло и ветра нет. Давно не помню такой осени.

День и правда выдался славный. Небо было чистое, ясное, какое бывает в пору бабьего лета. Тихо, не шелухнувшись, стояли деревья. Слышно было, как над головой падает оторвавшийся сухой лист, как чирикают воробьи, скрипит ось детской коляски.

Они сидели на скамейке, прислушиваясь к каждому звуку. Всё-таки хорошо было сидеть просто так и ни о чём вроде бы не думать.

— Вот и поговорили, — стала собираться Наталья: скинула платок, поправила на затылке пучок волос, снова повязалась.

— Денёчки-то как летят, не хуже семечек: те тоже — лузгаешь, лузгаешь, пока язык не заболит... всё, кажется, не кончатся никогда. А глянешь — одни плевелы остались.

Он поднялся, начал подлаживать под себя костыли.

— Не провожай, не надо, — упредила она его. — Ни к чему.

Андрей весь как-то переменялся, застыл на месте. Мысль, что Наталья стыдится идти с ним рядом, буравчиком начинала подползать к сердцу: “Вот оно, значит, что!” — оторопело глядел он на неё.

Простенькие полусапожки, неновое уже пальто, сумка с продуктами. Ничего вроде бы особенного, пройдёшь мимо и внимания не обратишь — женщина, каких много. А нет, вон церковь, тоже ничего вроде бы особенного, а люди издалека приезжают, чтобы посмотреть на неё. Вот загадка-то...

Андрей тяжело задышал, даже в груди заболело: ах Наталья, Наталья... В монашенки подалась, в чёрный платок повязалась, траур по мужу носишь... А по нём, кто по нём — Андрею — траур носить будет?!

Он нервно, давясь, слатывал слюну. В сущности, кто он для неё? Бродяга, забытый бродяга. Как в той песне... На что рассчитывал? Что она вот так сразу бросится к нему в объятия? Нет, конечно. Что же тогда?.. Но... Ох, как обидно было Андрею! Так обидно, что режь его сейчас — он лишь спасибо скажет.

Лицо Натальи почему-то затуманилось, стало нечётким.

— Да ты, никак, плачешь. — Она опять хотела улыбнуться, но на этот раз улыбка не получилась. Чтобы не зареветь, она зажала трясущийся рот кулаком.

— Миленький... да что же это! — с надрывом вырвалось у неё. — Что люди-то подумают?..

...Было слышно, как падает оторвавшийся лист, как где-то поблизости воркуют голуби. А два пожилых человека стояли вплотную друг к другу и... молча плакали. Так, наверное, плачут перелётные птицы, с великой грустью покидая насиженные места, стремясь напоследок, хоть ненадолго, хоть на одно ещё мгновение отсрочить свой отлёт.

— ...Думала о тебе, Андрей, многие годочки думала. Как подумаю, что где-то ты... мой, родной... что теплом своим не тебя согреваю... Думала, не выдержу, руки на себя наложу. А потом детки у нас с Колей родились, забот прибавилось. Что забылось, а что пришлось забыть. Словом, притерпелось.

Одной рукой Андрей мог себе позволить обнять Наталью: гладил её голову, чувствуя под платком в пучке её волос острые концы шпилек. А она всё рассказывала и рассказывала.

Когда прощались, Наталья, точь-в-точь как тогда, при обмороке, слабой рукой обняла Андрея:

— Соловушка ты мой, — тихо произнесла она.

10

Возле кафе “Конёк-Горбунок” с ведрами, полными яблок и картошки, со связками печатого лука всё ещё стояли бабы.

По бетонке проезжали машины. Всё обыденно, всё знакомо до мелочей. Но что-то тяготило Андрея. Это “что-то” сидело в нём, внутри, и мешало, но что — он никак не мог понять. И лишь незаметно для себя, восстанавливая в памяти весь минувший день, он, наконец, нашёл причину: Лучник — вот кто всему виной.

Странно, Андрей сегодня так и не вспомнил о нём. И Наталья тоже почему-то не вспоминала об отце. С того времени, как вернулся Андрей в посёлок после скитаний, он ни разу не сходил с Лучником близко, лицом к лицу. Примечать его издали — примечал, но не сходил. И как никогда вдруг захотелось поглядеть ему в глаза. Он понял, что этого не избежать, что непременно должен его увидеть. И если он — Андрей — этого не сделает сейчас, то никогда не сделает. Он ещё сам не знал, как это произойдёт. Возможно, старика вообще не будет дома.

Но всё случилось на удивление просто. Лучник был во дворе: под навесом сарая за верстаком рубанком строгал брус. При каждом рывке пристёгнутый к его ноге деревянный протез неприятно поскрипывал. Увлёкшись работой, старик не замечал стоящего за калиткой Андрея. Мирно, с каким-то вдохновением строгал. Изменился он сильно. Постарел. Только нос горбатый остался от прежнего мужика.

Вот он кончил строгать, отложил рубанок. Вскинув на взвод брус, как бы в кого целясь, стал проверять работу и только тогда заметил гостя. Но, заметив, не показал вида: спокойно продолжал разглядывать поделку с разных сторон. Лишь после этого повернул голову.

...Тот же отчуждённый взгляд, та же холодная надменность. Да, такой зарубит и со спокойной совестью скажет: “Иди, заявляй”. Враждебная,

словно скрытая под семью замками нечеловеческая сила духа. Собрать бы эту силу в один сгусток, не растрачивать по мелочам, не держать в себе, отдать людям для добрых целей — такое можно бы сотворить... Нет, лучше себя изведёт старик, чем на такое решится.

...Утешился, гадина, доволен! Добился своего! Каково на собственной-то шкуре?!.. — Ах, кабы во всю глотку-то Андрею: “Скачи, мол, теперь на своей деревяшке, так и подохнешь один...”

Выплеснуть бы всё, что накопилось за эти годы, а там... Язык рви — не жалко. Но чем дольше Андрей стоял, чем пристальнее вглядывался в Лучника, тем больше убеждался, что не сможет произнести этих слов. Нет, не сможет. Что-то удерживало его. Наверное, поостыл. И не всё ли равно теперь: две жизни он собирается, что ли, жить?..

II

Андрей возвращался подавленный, отягощённый чувством опустошённости. Вот увидел он Лучника, а что из того? Легче стало? Ничуть. Наоборот, лучше бы не ходил.

Андрей не мог понять: казалось бы, прожил человек большую жизнь, многое увидел, много пережил, а зачем? для кого? Непонятно. Он же до сих пор убеждён в своей правоте — этот твердолобый старик, будто Андрей Харютин повинен во всех его несчастьях.

Быстро вечерело. Дышалось почему-то вкусней, чем днём. Огибая водокачку, Андрей наткнулся на Павлу: в распахнутом ватнике, простоволосая, она ещё издали напустилась на него:

— Зачем туда ходил? Кой бес тебя понёс?

Доложили, ухмыльнулся он.

— А в городе что делал? У церкви, в скверике.

Вот народ... и это успел... В другой раз Андрей не спустил бы Павле: ведь самое что ни на есть сокровенное затронула, но весь её облик — растерянный, с потаённым робким страхом — остудил его.

Он шёл медленно. Как-то сразу навалилась усталость. Наверное, расслабился, а не надо бы.

— Дай-ка свою бандуру.

Павла помогла снять с его плеча этюдник, понесла сама. Андрей не противился. Так и шли через весь посёлок: Павла впереди, он чуть сзади.

После ужина он с трудом вылез из-за стола, нашёл давнишнюю нераспечатанную пачку “Беломора” и лёг на диван, уронив голову на жестковатый валик. Так и лежал, прижимая эту пачку к животу.

Время от времени, погромыхивая чем-то на кухне, Павла тянула свою любимую:

— Как хотела меня ма-ать да за первого отда-ать, а-я первый — человек неверный, ой, не отда-ай меня, ма-ать...

Андрей который раз слышал эту нехитрую песню, размышлял о жизни, искал какие-то новые слова, как бы он сказал. А Павла всё пела, куплет за куплетом. Скоро и песня кончится, а всё не хотелось выходить замуж, всё какие-то нерадивые женихи попадались: не пьяница — так горбатый, не скупой — так мот. Ну, как молодой девушке с таким жить?

Андрей лежал с закрытыми глазами. Нераспечатанная пачка папирос то вздымалась, то опускалась на животе. Андрея клонило в сон.

А с кухни неслась песня:

— ..Как хотела меня ма-ать да за сёмого отда-ать, а-я сё-омый — красивый, весё-ольый, ой, не хотел меня взять...